

Поэтика прозы Людмилы Улицкой [Тюнде Сабо. *Статьи по поэтике Л. Улицкой*. Москва: ФЛИНТА, 2022. 264 с.]

В книге известной венгерской славистки, хабилитированного д-ра филологии, доцента Института славистики факультета гуманитарных и общественных наук Печского университета Тюнде Сабо (Tünde Szabó) собрано четырнадцать статей, опубликованных автором в различных научных изданиях в течение 2016–2021 гг. и посвященных антропологическим аспектам творчества Людмилы Улицкой, нашедшим отражение в образах героев ее романов и повестей. Забегая вперед, отмечу, что особенно замечательны суждения Сабо об антропологических сдвигах, очевидных для каждого, кто так или иначе соприкасался с советской или постсоветской ментальностью.

Методологически статьи объединены подходом к текстам Улицкой как «к сложно организованному семиотическому пространству, в котором сосуществуют и взаимопроникают разные тексты и языки культуры» (с. 6). В статьях первого раздела книги объектом исследования являются протагонисты прозы Улицкой, которые выполняют определенные композиционные функции, из чего проистекает символическое значение текстов. Во втором разделе сборника анализируются артефакты, создаваемые персонажами Улицкой. Будучи «текстами в тексте», эти артефакты продуцируют вторичные семиотические пространства, расширяющие и метафизирующие образ человека. В третьей части сборника раскрываются интертекстуальные связи прозы Улицкой со знаковыми произведениями предыдущих столетий. Последний раздел книги посвящен проблемам трансгрессии – «пересечению границ в антропологическом и семиотическом смысле» (с. 7). Здесь Сабо сосредотачивается на мистическом опыте героев и на гетеротопиях как сфере существования отдельных персонажей, а также на приемах повествования и многочисленных и разнообразных культурных кодах, пронизывающих прозу Улицкой. Как видим, Сабо нашла свою исследовательскую «интонацию», вступая в корректную полемику либо соглашаясь с иными точками зрения на творчество современной писательницы. В книге содержится много отсылок к работам о прозе Улицкой: цитируются или упоминаются труды М. В. Безрукавой, Ю. С. Басковой, М. П. Абашевой, О. Ю. Осьмухиной, Н. В. Пресня-

ковой, О. В. Богдановой, Н. В. Ковтун, А. Н. Латыниной, Э. Скомпа и Б. Сатклиффа, Я. Войводич, Дж. Джиганте и других. Не обойдены вниманием и соотечественники Т. Сабо – И. Регеци, Й. Горетить и другие авторы тех точек зрения, которые изложены в междисциплинарном сборнике статей под ред. Э. Гилберт (2005). Сабо опирается на широкий спектр научных исследовательских традиций: статьи изобилуют послылками, представленными в работах по теории и истории литературы (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман), в трудах филологов (В. Изер, С. А. Кибальник, Т. А. Касаткина, М. О. Чудакова, М. Е. Меднис), теоретиков и практиков интертекстуальности и интермедиального взаимодействия искусств (В. Вольф, С. П. Шер, Т. Е. Автухович, Н. А. Фатева, А. К. Жолковский), семиотиков (Ц. Тодоров, Р. Барт), философов и теоретиков культуры (М. Фуко, У. Эко, Ж. Батай), философов (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев), психологов (С. Милгрэм, Ж. Пиаже), искусствоведов и этнографов (О. Е. Этингф, В. В. Лепяхина, С. А. Токарева). Отсылки ко всем авторам использованы в качестве аналитических инструментов, необходимых Сабо для самостоятельных и в высшей степени небанальных суждений о прозе Улицкой. Формулировки и утверждения исследовательницы всегда аргументированы, точны и выверены. И самое, пожалуй, главное в исследовательских опытах венгерской славистики заключается в отсутствии противоречия между практикой «пристального чтения» текстов Улицкой и попыткой описать более общие исторические, культурные и социальные процессы, в рамках которых литература коренится, движется и которые она представляет. В большей части представленных статей акцентируется эстетическая ценность и уникальность литературного произведения как такового и одновременно представлена его историчность и социальность посредством анализа (невозможного без «пристального чтения») репрезентативных значимых деталей художественного текста.

Первый раздел книги – «Герой и структура сюжета» – открывает статья «Релятивизация статуса главного героя в романах Л. Улицкой», в которой Сабо отталкивается от распространенного мнения о преимущественном внимании писательницы к отображению женских судеб и сосредотачивается на принципах создания мужских персонажей в романах «Казус Кукоцкого», «Искренне ваш Шурик», «Даниэль Штайн, переводчик» и «Лестница Якова». Сабо указывает на двойную перспективу (генеалогическую и бытовую) при воссоздании писательницей биографий персонажей и анализирует в связи с этим временные координаты рассматриваемых романов – включенность личного биографического времени в историческое, которому герои Улицкой противостоят. В своих суждениях Сабо актуализирует идеи Бахтина о жанре биографического романа, о «построении» классического и романтического типов характера, об авторской вневходимости. Тенденция к дегероизации и релятивизации статуса главного героя у Улицкой усиливается введением в фиктивный мир романов множества других биографических нарративов. К названным выше произведениям¹ Сабо возвращается в статье, заключающей раздел – «Образы ученых в романах

¹ Исключив роман о Даниэле Штайне, но подключив к исследованию роман «Зеленый шатер».

Л. Улицкой». Здесь рассматриваются представленные писательницей модели познавательной деятельности человека и укорененность этих моделей и типов героев в литературной и культурной традиции («сократический диалог» персонажей, их «донкихотство»). В центре статьи «Социология и поэтика – изображение одного поколения» – система персонажей романа «Зеленый шатер», которая, по мнению Сабо, противостоит фрагментарному сюжету. Это обеспечивает «единство романного мира» (с. 35) и выявляет авторский взгляд на поколение шестидесятников, родственной социологическому. Анализируя систему персонажей, Сабо опирается на используемые социологами методы анализа социальных сетей, так как подобная «сеть» адекватна романной персонажной конструкции. В статье «Театрализация смерти» сюжет повести о русских эмигрантах («Веселые похороны») сопоставляется с визуальным воплощением средневековой «пляски смерти» и с «Божественной комедией» Данте. В статье «Две Тани» Сабо возвращается к роману «Казус Кукоцкого» и к повести «Сонечка»². В судьбе и образе героинь Сабо усматривает довольно резкую полемику с теоретически оформленной концепцией любви Льва Толстого, что не мешает Улицкой переосмысливать отдельные художественные приемы писателя. Помимо этого Сабо обращается к романной схеме одного из произведений Гёте. Та же схема, по мнению исследовательницы, структурирует изображение семьи Кукоцких и лежит в основе системы персонажей в повести «Сонечка». Имеющиеся отклонения от этой схемы исследовательница объясняет различными игровыми принципами (В. Изер) четырех центральных персонажей повести.

Во втором разделе собрания статей, названном «Герой и искусство», Сабо обращается к практике религиозного экфразиса в романе «Даниэль Штайн, переводчик», к музыкальной составляющей романа «Зеленый шатер» (на которую иные исследователи не обратили внимания) и к сюжетообразующей роли профессиональной деятельности героини романа «Лестница Якова» – театральной художницы. В статье об иконе в романе о Даниэле Штайне подробным образом исследованы пути семиотического перевода псалмов на язык иконы, написанной одним из персонажей романа, прототипом которой является реальное лицо (с. 112–121). Музыкальные же элементы и их функции важны, с точки зрения Сабо, для конструируемой Улицкой картины мира в романе «Зеленый шатер». Текстобразующие свойства музыкального начала мастерски показаны исследовательницей при анализе одного текстового фрагмента³. Таким образом, три приема воспроизведения музыки в слове – описание, имитация и структурирование текста – выступают во взаимодействии. В статье «Театр в романе “Лестница Якова”» интерпретации подвергается образ Норы и связанная с ней сюжетная линия, в которой выделено восемь однотипных по своей композиции эпизодов создания героиней театральных постановок. Любо-

² Здесь упомяну важную для автора рецензируемой книги монографию «Родословная “Сонечки”». Генетический фон повести Л. Улицкой», изданную Т. Сабо в 2015 г.

³ Замечу, что в 2022 г. опубликована статья Т. Сабо «Феномен музыки в прозе Л. Улицкой» (*Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*), в которой утверждается, что созданный Улицкой музыкальный мир, органичный для той или иной части сюжета, сочетается с репрезентациями других сегментов культуры, способствует «очень богатой синкретической поэтике» романов Улицкой.

пытным и новаторским здесь представляется анализ метафоры «неприкрашенный человек» в контексте иконописной, философской (Н. Бердяев) и сложившейся в XX в. театральной традиции.

Третий раздел книги Сабо «Романная традиция» включает в себя статьи сопоставительного и интертекстуального плана; тексты Улицкой исследуются как часть дискурсивного целого. Венгерская славистка отмечает эпопейный хронотоп романов «Лестница Якова» и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, их включенность в так называемый «московский текст» русской литературы, автобиографичность, связь истории героев с историей России, а также проблему столкновения личности со стабильностью. Особое внимание уделяется символическим отсылкам в «Лестнице Якова» к стихотворениям доктора Живаго, при этом высказывание шекспировского короля Лира о «неприкрашенном человеке» (оно введено в сюжет романа Улицкой) прочитывается в пастернаковском контексте. Во второй статье, затрагивающей параллели между Улицкой и Ф. М. Достоевским, Сабо отсылает читателя к одной из своих работ 2015 г., в которой рассказала о том, что конструкция сюжета «Сонечки» восходит к роману «Преступление и наказание» и к повести «Белые ночи». Что касается «Бесов», то «Зеленый шатер» и роман Достоевского сопоставимы прежде всего с точки зрения тематической – речь идет о шестидесятниках XIX и XX вв. Но в центре внимания исследовательницы находится «глубокое сюжетно-жанровое родство» (с. 177) произведений: фрагментарность сюжета, которой, как убедительно доказывает Сабо в первом разделе сборника, в романе Улицкой противостоит система персонажей в виде реальной социальной сети. Аналогия между романами Достоевского и Улицкой обнаруживается и в персонажной схеме: три центральных героя с разным менталитетом и идеологией и связанные с ними женские образы. Различие культурно-исторического контекста не мешает Сабо установить черты сходства между отдельными героями современной писательницы и русского классика (имеются в виду педагог Шенгели и учитель Верховенский). А параллель куколки и бабочки как главенствующая метафора романа Улицкой берет свое начало, как предполагает Сабо, в черновиках к роману «Бесы». Вызывает интерес в этой статье и постановка вопроса о соотношении реальности и вымысла, коль речь идет о позитивной оценке интеллигенции эпохи Оттепели у Улицкой и неоднозначной рецепции то ли пророческого, то ли клеветнического романа Достоевского. Сабо останавливается на прототипах героев обоих романов, на включении или описании в них произведений, созданных героями. В рамках традиций Достоевского в воспроизведении образа поколения Сабо прочитывает и тему огромной роли литературы в жизни отдельного человека и общества. В третьей статье показана трансформация темы «случайного семейства», явленной в «Подростке» Достоевского и в современном романе («Искренне ваш Шурик» Улицкой). Опосредующим звеном в модификации темы выступает первая пьеса А. П. Чехова «Безотцовщина» («Платонов»). Сабо рассматривает биографию Шурика в контексте линейного и циклического сюжетов и приходит к выводу, что «разные изоморфизмы циклической организации сюжета в итоге приводят к релятивизации мужской роли, и ...линейное развитие героя

оказывается неудачным» (с. 195). В «Безотцовщине» нет циклических временных повторов, но есть особая система двойников, а отсутствие идеала у главного героя активизирует идею Достоевского о «случайных семействах». Женское воспитание и неверно воспринятая идея, легшая в основание прожитой жизни, делает героя Улицкой одним из потомков «случайных семейств».

Последний раздел книги – «Трансгрессия» – открывает статья «Поэтика мистицизма в прозе Л. Улицкой». В ней рассмотрены различные аспекты мистического опыта, пережитого различными персонажами Улицкой: личный опыт сопровождения умирающего, интерес к запредельным мирам и их пограничьям. Сабо выделяет константы мистических переживаний героев и осмысляет статус и структуру мистических эпизодов в прозе Улицкой. Исследовательница останавливается на пространственных маркерах пересечения границы, на цветовой символике этих эпизодов (согласно Сабо, наблюдается доминирование белого и зеленого цвета), на отмене линейности сюжетного времени, а также на описанных Улицкой процессах физического преобразования персонажей либо изменениях их самосознания. Наиболее подробно анализируется с этих точек зрения роман «Казус Кукоцкого», в котором представлен эпизод пребывания героев в потустороннем мире. Замечу, что в этой статье Сабо (как, впрочем, и во всех других) велика нагрузка сносок, так как в них излагаются немаловажные текстовые наблюдения, расширяющие смыслы основного текста: таковы, к примеру, сноска о водных границах между мирами или объемное примечание о любви как феномене, который родственен мистическому опыту (с. 215–216). Первопроходческой, на мой взгляд, является аналогия между текстами Улицкой и фантастикой: с точки зрения структурной организации, мистические эпизоды в прозе Улицкой, действительно, продолжают принципы фантастического повествования. Вслед за высказываниями Тодорова, Сабо рассматривает позицию нарратора в системе взглядов на сверхъестественное и необычное, сближая эту позицию с авторской точкой зрения. В статье «Гетеротопии истории и гетеротопии наррации (“Даниэль Штайн, переводчик”))» концепция Фуко применяется к литературному произведению, представляющему собой и языковой продукт, и семиотическое пространство (с. 229). Сабо соотносит гетеротопологические принципы Фуко с центральным понятием структурно-семиотической концепции Лотмана – с семиосферой. Подобный подход прилагается к роману Улицкой, в котором есть немало историко-общественных гетеротопий, через которые проходят жизни героев, а история главного героя на нарративном уровне воспроизводится посредством текстовых гетеротопий, в том числе в форме удвоенной гетеротопии сознания (сон – мир знания). Гетеротопии гетто и партизанского лагеря являются ядром романного сюжета и точками порождения текста. Заключает раздел статья об антропологических и семиотических аспектах трансгрессии. Впервые разработанная Сабо в одной из статей 2019 г. на материале романа «Лестница Якова», здесь эта тема рассматривается как одна из постоянных величин всего творчества Улицкой. Сабо исходит из антропологической трактовки трансгрессии, предложенной Багаем, и структурно-семиотического подхода Лотмана к категории границы. В статье

анализируются трансгрессивные практики и переживания героев романов «Медя и ее дети», «Казуса Кукоцкого» и повести «Сонечка». Одновременно Сабо подробно останавливается на творческой деятельности персонажей в романе «Лестница Якова», а также на пересечении границ между исторической реальностью и фикцией, между разными культурными кодами и текстами семиосферы в иных текстах Улицкой.

Подводя итоги, скажу, что собранные вместе статьи Сабо, возможно, являются своеобразным вызовом, потому что демонстрируют возможности мирного сосуществования текстоцентризма, свойственного структуралистской и постструктуралистской парадигмам, и контекстуального анализа, характерного для исторических и социологических литературоведческих исследований. По сути, в сборнике разработаны новые схемы исследования художественных произведений, в которых текстовый анализ сочетается с историко-социологическим, культурологическим, антропологическим анализом действительности, порождающим текст. Идеи, наблюдения и выводы Тюнде Сабо претендуют на бесспорную научную новизну.

Галина Михайлова